

Г. Бердников

А. П. Чехов. Идеи и творческие искания. – Л.: Художественная литература, 1970. – С. 445-446

Человек в футляре

С большой силой враждебность существующего порядка человеку показана в рассказе «Человек в футляре». Этот рассказ занимает в творчестве Чехова второй половины девяностых годов примерно такое же место, как рассказы «Хамелеон» и «Унтер Пришибеев» среди произведений восьмидесятых годов. В предельно лаконичной форме выявлены здесь характернейшие черты строя господствующих отношений между людьми. Живым их воплощением и является учитель греческого языка Беликов.

Самым важным, самым характерным признаком существующего строя Чехов считает отсутствие свободы, такой порядок, когда жизнь хотя и не запрещена циркулярно, но и не разрешена вполне. Эта полулегальная жизнь, лишенная свободы, накладывает на людей свой мертвый отпечаток, и чем полнее подчиняется человек строю господствующих отношений, тем беднее его духовный мир, тем отчетливее видна на нем эта злоедающая печать. Беликов не просто подчинился существующему порядку. Как и унтер Пришибеев, он стал его добровольным стражем, его цепным псом; подобно герою «Хамелеона», он воплотил в себе самые основные черты господствующих нравов. Человек в футляре стал законченным, классическим воплощением породившей его футлярной жизни.

Боязнь свободы и жизни, мертвенность беликовщины находит свое внешнее выражение в пристрастии героя ко всякого рода футлярам, которые оградили бы его от этой страшной ему действительности, не подчиняющейся или не вполне подчиняющейся циркулярам и предписаниям. Но как ни ограждай себя от жизни темными очками, зонтиком, калошами, теплым пальто и поднятым воротником ставнями, задвижками, халатом, циркулярами, а все вокруг тебя жизнь, хотя и серенькая, робкая, приглушенная, но жизнь, то есть нечто прямо враждебное его мертвенному идеалу. Свой идеал поэтому Беликов мог найти и нашел лишь в могиле. «Теперь, — рассказывает Буркин, — когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже веселое, точно он был рад, что, наконец, его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет. Да, он достиг своего идеала!».

В первую минуту после похорон Беликова все, знавшие его, вздохнули с облегчением. Еще бы, ведь они были убеждены, что это именно Беликов своим существованием заставлял их многие годы жить так неинтересно, пребывать в вечном страхе и трепете. Теперь они почувствовали себя удивительно свободными. «Ах, свобода, свобода! — восклицает Буркин. - Даже намек, даже слабая надежда на ее возможность дает душе крылья, не правда ли?»

Однако Буркину и его товарищам пришлось испытать самое жестокое разочарование. Беликова не стало, но жизнь несколько не изменилась, осталась прежней. Видимо, причина была не в нем, и Буркин начинает это смутно понимать, задумываясь над тем, как много еще в жизни осталось Беликовых. Иван Иванович, который слышал рассказ Буркина, с готовностью подхватывает эти размышления и высказывает еще более далеко идущие мысли. «А разве то, что мы живем в городе в духоте, в тесноте, — говорит он, — пишем ненужные бумаги, играем в винт — разве это не футляр? А то, что мы проводим всю жизнь среди бездельников, сутяг, глупых праздных женщин, говорим и слушаем разный вздор - разве это не футляр?..

Видеть и слышать, как лгут... и тебя же называют дураком за то, что ты терпишь эту ложь; сносишь обиды, унижения, не смешь открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей, и самому лгать, улыбаться, и все это из-за куска хлеба, из-за теплого угла, из — за какого-нибудь чинишка, которому грош цена, — нет, больше жить так невозможно!»

Нет, больше жить так нельзя, — эти слова можно поставить эпиграфом к зрелому творчеству Чехова. Обоснованию, доказательству этого вывода посвящает он все свои произведения второй половины девяностых годов. Каждое из них, воспроизводя перед нами ту или иную сторону социальной действительности, рисуя самые различные человеческие характеры и судьбы, все вновь и вновь приводит нас к мысли о глубочайшей враждебности человеку всего строя господствующих отношений, при котором может быть лишь свобода порабощения слабого, свобода стяжательства, свобода подавления истинно человеческих чувств и стремлений. И такая «свобода» устраивает многих, люди приспосабливаются к этим условиям и живут припеваючи, чувствуя себя довольными и счастливыми. Примером таких счастливых людей может служить новоиспеченный помещик Чимша-Гималайский, с наслаждением пожирающий кислый крыжовник, который он наконец-то вырастил в своей усадьбе. Иван Иванович глядел на него и видел истинно счастливого человека, заветнейшая мечта которого осуществилась, наполнив его радостью и довольством.

ЦГТБ имени А. П. Чехова